
13 6/200
T. II

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

СТАТЬИ

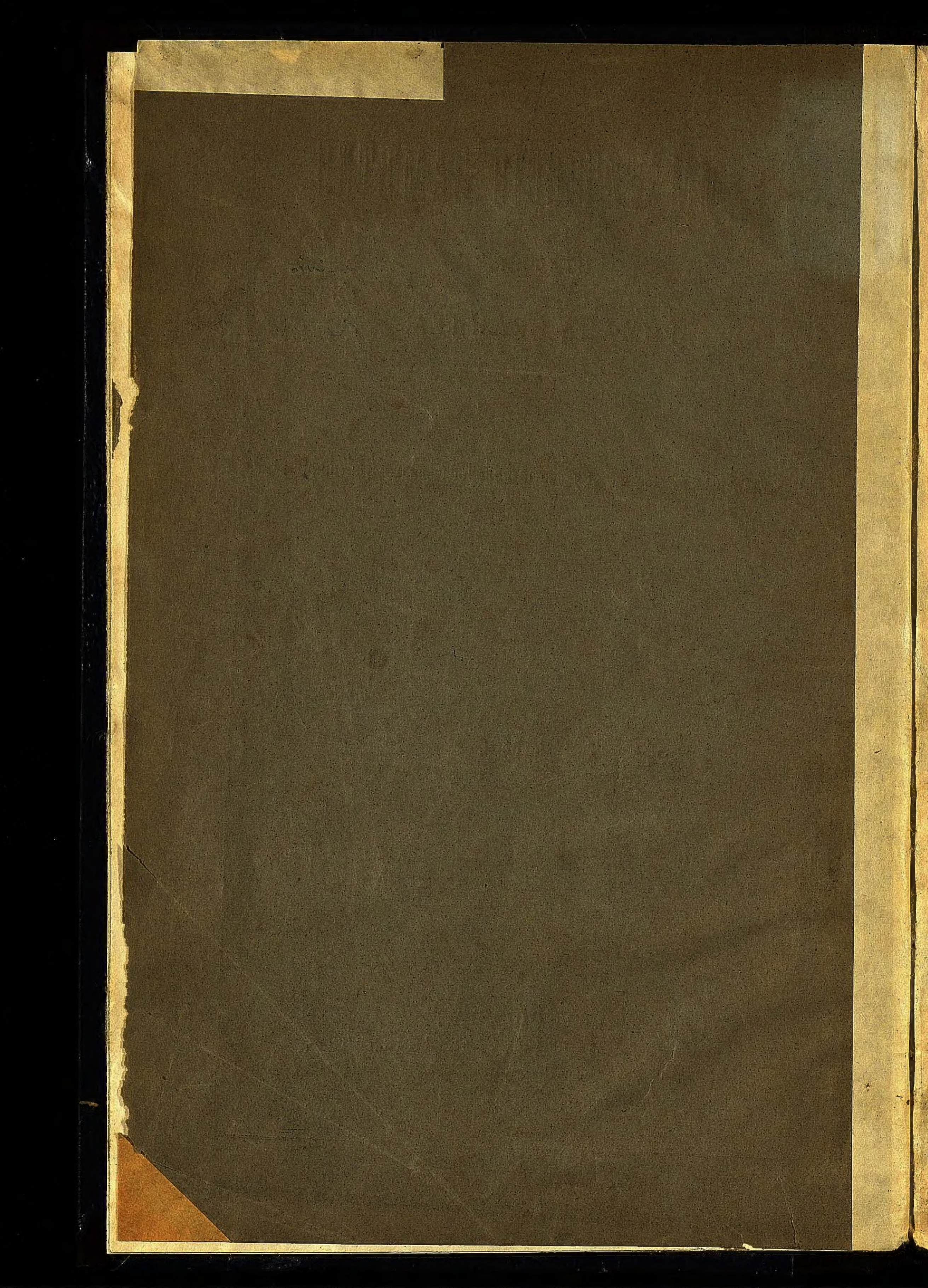
РОМАНА БРАНДТА.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

Том II, вып. 1

ВАРШАВА.
В типографіи Михаила Земкевича.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

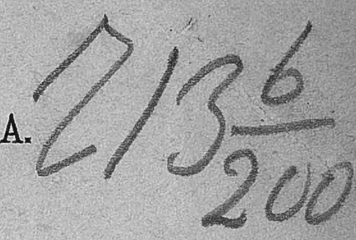
1886.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

СТАТЬИ

РОМАНА БРАНДТА.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

Том II, вып. 1

ВАРШАВА.
В типографіи Михаила Земкевича.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

1886.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 24 Апрѣля 1886 г.

(Отдѣльный оттиск из Русск. Фил. Вѣстн.)

Нѣчто об аористах.

В староцерковном, а также и в праславянском языкѣ существовали два главных вида аориста: 1) аорист *безпримѣтный*, нпр. к **ведѫ—ведъ** и 2) *эсовый*, представляющій примѣту **с** или ея замѣны. Послѣдній а) или выдерживает примѣту **с** во всѣх лицах, образуя не только формы **вѣ-с-те, вѣ-с-та**, но также **вѣ-с-ъ, вѣ-с-омъ, вѣ-с-ѧ, вѣ-с-овѣ** (такой аорист можно назвать *одноприм*ѣ*тным)*, или б) сохраняетъ **с** лишь перед наставками **те, та**, а в других случаях употребляет вмѣсто него **х** и **ш—вѣхъ, ведохъ, ѕнахъ, играхъ; вѣшѧ, ведошѧ, ѕнашѧ, играшѧ,** при **вѣсте, ведосте, ѕнасте, играсте** (аорист *разноприм*ѣ*тный* или *хѣровый)* [1]). Глаголы производные, равно как и первичные с открытым корнем, не знают другого аориста, кромѣ разнопримѣтнаго: всѣ аористные разновидности возможны только у глаголов первичных с закрытым корнем, как **вед-ѫ, рек-ѫ, мог-ѫ**. У послѣдних еще и хѣровый аорист двоякій: *α) корневой*—**вѣхъ** и β) *основный*—**ведохъ** [2]).

---

[1]) Названіе хѣровый аорист употребил уже А. С. Будилович, в Начертаніи церковно-славянской грамматики. Варшава 1883.

[2]) **Ѕнахъ** тоже есть корневой (или откоренный) аорист, которому можно противоставить **играхъ**, как основный; но при совершенной одинаковости суффиксов, отдѣлять **ѕнахъ** от **играхъ** было бы излишне; поэтому я под аористом корневым и основным всегда разумѣю хѣровый аорист от закрытых корней. Сокращенное названіе основный аорист неудобно только при сопоставленіи с безпримѣтным, который также представляет основную, а не откоренную форму: в таком случаѣ не слѣдует опускать второго прилагательнаго—хѣровый.

Из славянских аористов безпримѣтный вполнѣ удовлетворительно объяснен сближеніем с греческими и санскритскими формами ἔφυγον, áliрам к φεύγω и к limpāmi (lip мазать) [1]); также сопоставленіе однопримѣтнаго аориста, как **вѣсъ** (**вѣд-съ, вед-съ**), с греческим ἔδειξα (=ἔ-δειχ-σα) и с санскритским á·kār-šam (kar дѣлать) [2]) не возбуждает сомнѣній [3]); хѣро́вые аористы в родѣ **ꙁнахъ, играхъ** представляют законную, чисто звуковую разновидность однопримѣтных [4]); наконец **вѣхъ, нѣхъ, рѣхъ** можно считать однопримѣтными аористами, переиначенными по образцу **ꙁнахъ** [5]).

---

[1]) Объясненіе это принадлежит П. І. Шафарику (Wýklad některých grammatických forem w jazyku slowanském. Časopis Českého Musea. 1847. D. I, str. 144.

[2]) Замѣну **е** через **ѣ**, а также **о** через **а** (**басъ** к **бодж**) и **ь** через **и** (**чисъ** к **чьтж**) обыкновенно объясняют замѣнительным подленіем, породившим ē вм. ĕ, ā вм. ă (ō вм. ŏ?), ī вм. ĭ, перешедшія затѣм в **ѣ, а, и**; на замѣнительное продленіе всегда признавалось чѣм-то загадочным, а в настоящее время начинает изгоняться из грамматики (πατήρ нпр. уже не выводят из *πατερς, а видят в нем одно из проявленій древней разнотемности). Поэтому лучше принять мнѣніе Ягича (Приложенія к Маріинскому Евангелію, стр. 452), что эсовому аористу издавна свойственна дифтонговая или долготная огласовка корня, каковую мы видим в ἔδειξα, ákāršam (также в ἔπεισα к πείθω, ἔλῡσα к λύω, átautsam к tudāmi толкаю и т. д.); хотя впрочем ἔδειξα расходится с санскр. ádikšam.

[3]) Тожество аористной примѣты у Славян с санскритскою и греческою указал Бопп. См. в вышецитованном мѣстѣ у Шафарика.

[4]) См. мою статью Нѣсколько соображеній о склоненіи согласных основ у Славян. Грамм. зам. І, стр. 64 = Р. Ф. В., Т. VII, стр. 194.

[5]) В одном из своих примѣчаній к переводу Миклошичевой морфологіи (стр. 101), я высказываю мнѣніе, что **рѣхъ** замѣнило ***рѣсъ** под вліяніем **рекохъ** и потому—наперекор Миклошичу—есть в извѣстном смыслѣ новѣйшая форма; но принимать это не за чѣм: **рѣхъ** д. б. дѣйствительно древнѣе **рекохъ** и подражает не осно́вным аористам, а корневым с открытым корнем.

На счет **рѣхъ** впрочем необходимо оговориться. **Рѣхъ** и ему подобныя **влѣхъ, тѣхъ, бѣхъ (бѣшти), сѣхъ, жахъ** и **лахъ** [1]), может быть, слѣдует признать самородными формами: если принять ученіе Іоганна Шмидта, что праязычное созвучіе ks по-славянски наравнѣ с простым междугласным s перешло в х, и что славянскій с на мѣстѣ греч. и лат. ks (x), санскр. kš всегда предполагает ks с палатальным k (как в **десьнъ**=deçsinos, санскр. dákšina, греч. δεξιός, лат. dexter, лит. deszinė́) [2]), то **рѣхъ** развилось из ***рѣксъ** фонетически; и дѣйствительно можно допустить, что задненебный **к** не мѣшал, подобно зубным и губным, переходу с в задненебный же х, а скорѣе содѣйствовал ему [3]). Объясненіе форм **рѣсте, рѣста** из ***рѣксте**, ***рѣкста** остается в силѣ также при Шмидтовском взглядѣ, т. к. перед **т** и простой с не подвергался измѣненію. Ягич, правда, строит древнюю форму ***рѣхте**, подправленную впослѣдствіи по образцу **ѩсте, дасте** и т. д.; но, кромѣ того, что переход ***рѣксте** в ***рѣхте** мало вѣроятен, и замѣна такого ***рѣхте**, прекрасно ладившаго съ остальными лицами (**рѣхъ, рѣхомъ, рѣховѣ, рѣшѧ**), болѣе далеким от них **рѣсте** совершенно непонятна [4]). Оспаривать

---

[1]) **Сѣхъ, жахъ** и **лахъ** (к **сѣшти, жешти** и ***лашти** гнуть) отмѣчены только в сложеніи с предлогами. См. Сравнительную Морфологію Миклошича, стр. 100=79-ой стр. подлинника (Vergleichende Wortbildungslehre).

[2]) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. B. XXV, S. 120.

[3]) Думать вмѣстѣ с И. В. Ягичем (в ук. м., стр. 453), что в созвучіях ns, ms, ts, ps и ss звук s долго находил себѣ поддержку, тогда как ks рано (т. е. до перехода междугласных эсов в х) превратилось в простой s, я невижу никакого основанія.

[4]) Второе соображеніе не особенно вѣско: если только вѣрить в Ягичево **рѣхте,* то можно допустить, что оно подобно **пекти, *могти,* давшим **пец'и, *моц'и* (См. Грамм. зам., Т. I, стр. 74=Р. Ф. В., Т. VII, стр. 268), перешло в **рѣц'е,* которое не укладывалось в общія рамки и дѣйствительно нуж-

древность с в рѣсте потому, что сте является и в несомнѣнно позднѣйшем рекосте, не слѣдует: развѣ давнишнее окончаніе сте не могло войти в состав новѣйшей формы, когда нпр. весьма древній *а* служит окончаніем весьма новаго реченія конка? Шмидтовское объясненіе находит подпору с одной стороны в полном отсутствіи ориста рѣсъ, а с другой—в меньшей древности формы нѣхъ, не отмѣченной ни в одном из старѣйших памятников; однако я склонен предположить просто болѣе раннее устраненіе *рѣсъ, т. к., примѣнившись к ꙁнахъ и превратившись в рѣхъ, оно сблизилось со своим настоящимъ, с безпримѣтным аористом *рекъ и т. д., тогда как нѣсъ при такой передѣлкѣ удалялось от своего корня (древнее сродство с и х в то время д. б. уже не помнилось, а фонетическое сходство х с к не могло не чувствоваться). Шмидтову закону я сильно не довѣряю: вѣдь он основан именно на тѣх самых аористах, в органичности которых я сомнѣваюсь — чисто фонетическое развитіе созвучія ks мы видим в прилагательном въісокъ, гдѣ ks наравнѣ с ҫs в десьнъ, упростилось в s (я принимаю толкованіе Фикка [1]), который сближает в-ъісо-къ с греческим ὑψό-θεν, ὕψι, ὑψ-ηλός: корень ug, ūg, aug, тот-же самый, что̀ в лат. augustus, в лит. áugsztas высокій) [2]).

Мы отмѣтили, что славянскіе аористы представляют продолженіе праязычных аористов; однако разнопри-

---

далось в подправкѣ. (Говорю, что **рѣхте* должно было смягчиться в **рѣц'е*; но конечно для даннаго вопроса безразлично звучала ли смягченная форма **рѣц'е, *рѣт'е,* или еще иначе). С формою рѣста, как вторичною, для коей едва-ли умѣстно строить основное **рѣхта*, котораго Ягич и не строит, кажется, считаться нечего. (Относительно суффикса та см. Грамм. зам., Т. I, стр. 18=Р. Ф. В., Т. V, стр. 175).

[1]) A. Bezzenberger. Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Band II. Göttingen 1878. S. 188.

[2]) То обстоятельство, что здѣсь ks сложилось из g и s, для славянскаго языка, унаслѣдовавшаго уже готовое ks, не имѣет значенія.

мѣтный темовой (**ведохъ** и т. п.) оказывается славянскою новотворкой, т. к. и Греки и Индусы постоянно присоединяют аористный s к корню, а не к основѣ [1]). Откуда же тут явилась основа **ведо**? Шлейхер [2]) догадывается, что из настоящаго времени; но оттуда могли взять только **веде**: отвлеченіе от **ведѫ**, **ведѫть** основы **ведо** слѣдует считать невозможным; если же предположить болѣе раннее заимствованіе, в то̀ время, когда говорили еще **плетовѣ** и **плетомъ** [3]), то будет непонятно, почему аорист не усвоил себѣ разнотемности настоящаго и не звучит **ведоховѣ**, ***ведеста**, **ведохомъ**, ***ведесте**, или почему он, если произвел подравненіе, не предпочел подобно настоящему звук *е* [4]). Самое естественное объясненіе аориста **ведохъ**, как мнѣ кажется, слѣдующее: Славяне стали тяготиться аористами безпримѣтным и эсовым корневым, из коих первый слишком походил на настоящее, а второй представлял крайнее искаженіе корня, при чем в добавок нѣкоторые глаголы совпадали в одной и той же формѣ—***рѣсъ**, **васъ** были весьма далеки от **рекѫ** и **водѫ**, ***пасъ** соотвѣтствовало двум настоящим (**падѫ** и **пасѫ**), **вѣсъ** даже трем (**ведѫ**, **везѫ** и **вѣмь**) [5]). Подправка однопримѣтных аори-

---

[1]) Построенный мною, в статьѣ О личных наставках, Грамм. зам., T. I, стр. 3 (=P. Ф. B., T. V, стр. 160), праязычный аорист a^{1}na^{1}ça^{2}s*m* (éneçosm̥), основная форма для **несохъ**, есть только научная фикція.

[2]) Compendium. 4 Ausg. S. 802. § 297.

[3]) См. Грамм. зам., T. I. Попр. и доп., ix, к стр. 263 (52) =P. Ф. B., T. VI, стр. 335.

[4]) Звук *е* дѣйствительно прошел по всѣм лицам у Чехов и у Лужичан: ст.-чеш. vedech, vedechom, vedeste, vedechu, vedechově, vedesta, vedesta, в.-луж. (při)v'edźech, -v'edźechmy, -v'edźešće, -v'edźechu, -v'edźechmój, -v'edźeštaj, -v'edźeštaj, н.-луж. v'eźoch, v'eźochmy, veźošćo, v'eźochu, v'eźochmej, v'eźoštej, v'eźoštej (н.-луж. źo=первоначальному *де*); однако это *е* могло распространиться на всѣ формы из 2 и 3 л. ед. ч.

[5]) **Вѣсъ** как аорист к **ведѫ** и к **везѫ** дѣйствительно встрѣчается (см. Миклошичеву Морфологію, стр. 98—99=77—78 стр. подлинника); **вѣсъ** к **вѣмь**—форма строенная.

стов по образцу разноприметных не была существенным улучшеніем, и формы **рѣхъ, нѣхъ** не получили большого распространенія; но то-же **ѕнахъ** повліяло также на аорист безприметный, плодом чего и явился обыкновенный темовой аорист. Прежде всего 1-ыя лица множественнаго и двойственнаго числа **ведомъ** и **ведовѣ** могли перенять у **ѕнахомъ, ѕнаховѣ** примѣту **хо** и превратиться в **ведохомъ, ведоховѣ** [1]), а от них уже пошло болѣе полное, опять-таки построенное по образцу **ѕнахъ**, спряженіе: т. к. при

---

[1]) В болѣе раннее время произошло обратное явленіе — передѣлка эсоваго спряженія по образцу безпримѣтнаго: ***ѕнасомъ**, ***ѕнасовѣ** (основныя формы для **ѕнахомъ, ѕнаховѣ**), очевидно, замѣнили ***ѕнасмъ**, ***ѕнасвѣ** = санскр. ág'n̄āsma, ág'n̄āsva в подражаніе тѣм же **ведомъ** и **ведовѣ**, которыя впослѣдствіи подверглись их вліянію; по тому же образцу подправлены и одноприметныя формы **вѣсомъ, вѣсовѣ** (Brugman. Nasalis sonans. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik. B. IX, S. 314). Если Миклошич (Vergl. Gramm., B. III², S. 80=102 стр. рус. перев.) говорит, что **вѣсомъ** развилось фонетически из **вѣсм** с онѣмѣвшим **ъ**, то ему трудно повѣрить: вѣдь это значит предполагать онѣмѣніе **ъ** в общеславянском языкѣ; кромѣ того, если и допустить онѣмѣніе, то естественно ожидать вставки не **о**, а глухого гласнаго, который пожалуй в паннонско-словенском мог проясниться в **о**, но не мог ни у Сербов, ни у Чехов, у коих должен был явиться выговор *плетох*а*м и *pletoch*e*m; наконец, усвоеніе вставки 1-м лицом дв. ч., гдѣ она столь же излишня, как в **вѣста** и **вѣсте**, не особенно вѣроятно. Сходно с **вѣсомъ** образованы греч. ἷξον (к ἱκνέομαι прихожу), ἄξετε (к ἄγω веду) и т. д., санскр. ádikšas, ádikšat и т. д. (см. у Бругмана, в ук. м.); но едва-ли это явленіе слѣдует возводить к праязыку. Сербскаго *смо* (в *рѐкосмо* и т. д.), хотя оно господствует уже в самых ранних памятниках, не должно отожествлять с праславянским *смъ* : *смо* легко объясняется, как замѣна *хом* в подражаніе 2-му и 3-му лицу *рекосте, рекоше* и окончанію настоящаго и повелительнаго *мо* (*речемо, рецимо*), но побочных форм **рекохмо, рекохомо** и **рекохомь** (из коих впрочем послѣдняя, по Даничичу, есть славянизм) никак не вывести из основного *рекосмо*. Срв. у Даничича. Историја облика, стр. 319.

ʒна-хомъ, ʒна-ховѣ имѣлись ʒна-хъ, ʒна-сте, ʒна-ша, то к ведо-хомъ, ведо-ховѣ образовали ведо-хъ, ведо-сте, ведо-ша. Только 2 и 3 л. ед. ч. остались при старинѣ, потомучто соответственное формѣ ʒна *ведо было ничѣм не лучше старинпаго веде.

О ятевых и ижевых глаголах [1]).

Примѣта ятевых глаголов есть **ѣ** монофтонговый — это ясно из того, что у корней на гортанные она перешла в **а**: **ожестоуати — ожестоуаіеши, обънажати — обънажаіеши, ветъшати — ветъшаіеши; криуати — криуиши, бѣжати — бѣжиши, слышати — слышиши** [2]). Поэтому ятевые глаголы должны быть отожествляемы с литовскими на ėti: лит. sėdėti нпр. вполнѣ соотвѣтствует славянскому **сѣдѣти**; такое тожество уже и отмѣчено Шлейхером [3]). У Шлейхера однако нѣт указанія на связь славянских и литовских форм с греческими и латинскими, как ἐ-φίλη-σα, sĕdē-re, хотя эта связь не подлежит сомнѣнію (говорю о ближайшей связи: отдаленную признает и Шлейхер) [4]).

---

[1]) Основным глаголам, по входящим в состав их примѣтам, можно присвоить слѣдующія названія: *эновые* глаголы (**двигнѫти — двигнеши**), *ятевые сходнотемные* (**желѣти — желѣіеши**), *ижевые* (**любити — любиши**), *ятевые разнотемные* или *ижевоятевые* (**горѣти — гориши**), *азовые* (**дѣлати — дѣлаіеши**), *уковые* (**коуповати — коупоуіеши**); глаголы I-го Миклошичева разряда будут *безпримѣтные*, **бьрати — береши** и т. п. можно назвать *азовобезпримѣтными*. Настоящія в родѣ **играіеши, трепештеши,** представляющія явный или скрытый j, я называю *іотовыми*, при чем, на основаніи обѣих тем, **трепетати — трепештеши** может быть названо глаголом *азовоіотовым*.

[2]) Срв. статью О звуковом значеніи **ѣ**. Грамм. зам. I, 44 (=Р. Ф. В. VI, 14), пр. 2.

[3]) Compendium, 4 Aufl., S. 351.

[4]) Основа sedē даже прямо равна слав. **сѣдѣ**, лит. sėdė, только, что долгота корня, первоначально свойственная лишь нѣкоторым формам (перфект sēdi), у Славян и Литовцев про-

У *ятевых* глаголов *сходнотемных* (I-го отдѣла III-го разряда по Миклошичу), как слѣдует думать, **ѣ** первоначально принадлежал только инфинитивной основѣ и уже из нея перешол и в настоящую: как при ἐ-φίλη-σα, sedē-re стоят φιλεῖς = *φιλέjες, sedēs = *sedĕjes, так и при **желѣ-ти** нѣкогда стояло ***желеюши**; Шлейхер в этом случаѣ допускает ничѣм не объяснимое „продленіе“ [1]). Подобно настоящему **желѣюши** я считаю переиначенными и нѣкоторыя азовые настоящія: **седьлаюши** нпр., происходя от существительнаго средняго рода **седьло**, должно быть звучало первоначально **седьлоюши** (но в аористѣ — **седьлахъ**, срв. μισθόεις при ἐμίσθωσα); таким путем, полагаю, перевелись у Славян óновые глаголы и слились с азóвыми, с коими они отчасти совпадали вслѣдствіе совпаденія ō и ā в одном **а** [2]).

шла по всему спряженію; также и **видѣти,** veizdéti и vĭdēre—vīdi, а кромѣ того и греч. (эолич.) Ϝοίδημι указывают на праязычную основу vidē. Сопоставленіе слав. **ѣ** с лат. ē мы читаем у Боппа (Vergl. Gramm. II³, 363), который привлекает и старонѣмецкое ē (habēt) и гот. ai (habaith), возводит однако всѣ эти звуки к основному ai.

[1]) Comp. 394. А в инфинитивн. темѣ он говорит о стяженіи **єю** в **ѣ.** Стяженіе *eje* в ē, давшее потом **ѣ**, разумѣется, вещь возможная (срв. **нѣсмь,** правда, единичное и притом едвали произошедшее из **не юсмь,** а из болѣе древняго безіотаго ne esmi); но почему тогда не произошло стяженія и в настоящной основѣ? Кромѣ того, при таком объясненіи нам пришлось бы отдѣлить славянскіе глаголы от греческих, т. к. ἐ-φίλη-σα нельзя объяснить стяженіем, при коем из εε получается не η, а ει.

[2]) Принимать этого, впрочем, нѣт необходимости, так как и Римляне, сохранив различіе между ō и ā, вовсе устранили оновые глаголы (слѣдом этого спряженія, по указанію Курціуса, можно считать прилагательное aegrōtus. Curtius. Das Verbum. I, 340). Оновое спряженіе несомнѣнно существовало у Славянолитовцев (по-литовски есть глаголы на oti=āti и na ůti=ōti, нерѣдко как мѣстныя разновидности, нпр. kovóti или kovů'ti сражаться), но быть может его уже не было у Праславян.

Спрашивается теперь, как связать *ятевые сходнотемные* глаголы с *ижевоятевыми*, и как объяснить последніе. Шлейхер утверждал, что **ѣ** в **горѣти** развился из настоящнаго **и** путем *подъема* [1]), но с этим никак нельзя согласиться: если даже признать живучесть подъема в праславянском словотворствѣ, то всетаки слѣдует думать, что он мог являться только в подражаніе давнишним образцам, каковых тут не существовало; кромѣ того, подъемный **ѣ** есть **ѣ** дифтонговый (**ѣ**=oi заступает **и**=ei), так что Шлейхерово толкованіе годилось бы лишь тогда, если бы инфинитивы к **криѵиши, бѣжиши, слъішиши** были **крицѣти, бѣзѣти, слъісѣти** [2]). Указаніе на первоначальную связь между двумя разновидностями ятевых глаголов я усматриваю в одном *акцентном* явленіи, а именно в том, что настоящее нѣкоторых ижевоятевых глаголов ударяет в одних лицах на примѣту, а в других — на флексію [3]): гори́шь, гори́ть, а с другой стороны — горимо́, горите́; горивѐ, горитѐ, горитѐ (1-ое л. ед. ч. и 3-ье множ. пока оставим в сторонѣ) [4]). На этой двойственности акцентовки д. б. и основана двойственность примѣты [5]): можно предположить один основной разнотемный тип настоящаго, который, путем двоякаго подравненія, рас-

---

[1]) Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache, 314.

[2]) Я позволил себѣ употребить старый термин „подъем", так как и новѣйшіе языковѣды склонны считать oi усиленіем ei, хотя впрочем лучше бы не говорить здѣсь о силѣ и слабости; Шл., однако, не только выражался о чередованіи **и** с **ѣ** не по нашему, но и понимал его превратно, потому что отожествлял слав. **и** с праяз. ĭ (Comp. 121). Срв. Гр. зам. I, 43—44 (=Р. Ф. В. VI, 13—14).

[3]) См. в моей Акцентологіи, стр. 92, пр. 2; также в русском переводѣ Сравнительной морфологіи Миклошича, в (имѣющих вскорѣ выдти) отдѣлах словенском, сербском и малорусском; а также у Колосова, в Обзорѣ звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка, стр. 137.

[4]) Вѣрно ли построены личныя окончанія, это для нас теперь безразлично.

[5]) Мысль, что нѣкоторыя особенности славянских гла-

пался на два типа, из коих один утвердился у одних, другой — у других глаголов. В праязыкѣ рядомъ съ *ghoréjesi, *ghoréjeti могли стоять *ghoreimós, *ghoreité, *ghoreivés, *ghoreités, *ghoreités, съ выпаденіем темового e; такъ же спрягался первообраз глагола **желѣти**: *gheléjesi, *gheléjeti — *gheleimós, *gheleité и т. д. Впослѣдствіи произошло подравненіе, при котором **желѣти** отдало предпочтеніе полной темѣ ghéleje и создало *gheléjemos, *gheléjete и т. д., тогда как у **горѣти** восторжествовала сокращенная, и по образцу *ghoreimós и т. д. явились также *ghoréisi, *ghoréiti. У Славян, глаголы усвоившіе себѣ ei чисто фонетически развили из него **и**, а предпочетшіе eje подверглись еще вторичному, отмѣченному выше, переиначенію. И при накоренном удареніи естественно ожидать упрощенія eje в ei: основнóе для **слъшиши** *çrūseisi тоже могло имѣть древнѣйшую тему çrūseje; развивши ei во всѣх лицах [1]), эти глаголы должны были в полном составѣ войти во 2-ой отдѣл III-го разряда, и дѣйствительно нѣт ятевых сходнотемных глаголов с накоренною акцентовкою, и всѣ они ударяют на примѣту: желѣешь, зьрѣешь, умѣешь и т. д.

Точно так же, как **гориши**, можно объяснить и **твориши** и ему подобныя, т. е. настоящее *ижевых* глаголов: придется только предположить, что у этих глаголов инфинитивныя формы примѣнились к настоящему и переняли у него **и**, или же (что̀ вѣроятнѣе), что ижевые глаголы первоначально только и имѣли настоящее, возникшее по образцу **гориши**, и к нему уже образовали вторичный инфинитив, аорист и т. д. При втором объясненіи, правда, является акцентное затрудненіе: от лю́биши, лю́бить

голов могут быть объяснены из акцентовки, высказал уже Миклошич, замѣчаніе котораго будет изложено ниже.

[1]) Может быть за исключеніем 3 лица множ. ч., гдѣ образовалось бы неудобное созвучіе eint, существующее однако у Нѣмцев (нпр. ich weinte я плакал; в том же родѣ и у Англичан mind = maint).

должны бы образовать лю́бити, а не люби́ти. Однако это затрудненіе неважное, так как люби́ти могло явиться по примѣру других неокончательных, в родѣ кроти́ти от кроти́ши, да кромѣ того весьма возможно, что при единственном числѣ лю́биши нѣкогда стояло множественное *любитé, в угоду которому и явилось люби́ти. Предложенное здѣсь объясненіе ижевых глаголов приложимо и к соотвѣтствующим латинским глаголам, т. е. к глаголам IV-го спряженія, которое оказывается разновидностью II-го. Сюда же можно присоединить готскія настоящія, как sôkja—2 и 3 л. sôkeis, sôkeith (sôkjan искать), только, что многія формы их придется объяснять заимствованіем у других глаголов, нпр. sôkjan к sôkja будет подражаніем giban давать при giba [1]).

Не слѣдует упускать из виду еще и той возможности, что не всѣ ижевые глаголы представляют дифтонговое **и**, и что нѣкоторые могут соотвѣтствовать литовским глаголам на yti, как válgyti ѣсть, gìrdyti поить (наст. válgau, gìrdau), rūdýti ржавѣть (наст. rūdyjù или rūdijù) [2]), т. е. предполагать основныя формы с *долгим i*. Глаголы с примѣтою i (то долгою, то краткою) мы видим также у Греков и у Индусов, хотя довольно рѣдко. По-гречески существуют δηρίω спорить, κληΐω іон., эпич.=κλείω, κονίω пылить, μηνίω гнѣваться, κηκίω струиться, вытекать, μαστίω бичевать, бить, μητίομαι придумывать, замышлять — при всѣх их стоят существительныя с основами на ι: δῆρις спор, борьба, состязаніе, κληΐς іон. = κλείς, κόνις пыль, μῆνις, κηκίς струя (=кровь, сок, дым), μάστις іон.=μάστιξ,

---

[1]) При корнѣ открытом (stô-jan судить) или кратком (nas-jan спасать) ei не является: stôjis, nasjis (Stamm's Ulfilas oder die uns erhaltenen Denkmäler der gothischen Sprache. Neu herausgegeben von M. Heyne. Paderborn 1872, S. 406); мнѣ впрочем не вѣрится, чтобы тут дѣйствительно вліяла долгота корня.

[2]) Многіе лит. глаголы на yti заимствованы у Славян, нпр. sūdyti=рус. судить, trūbyti=трубить, czŷstyti (рус. или поль.) и т. д., но нельзя в этом заподозрить всѣх.

μῆτις мысль, разумъ [1]). По-санскритски имѣются arātīyáti (-īy-) готовить бѣду, janīyáti (-īy-) желать женщины, sakhīyáti желать дружбы, tavišīyáti быть могучимъ, при существительныхъ árāti-s ж. нерасположеніе, неблагопріятность, jáni-s или jánī женщина, sákhi- (имен. sákhā) другъ и távišī сила, мощь [2]); отвлеченная отъ такихъ глаголовъ наставка iya появляется и у темъ на ă: adhvarīyáti священнодѣйствовать, putrīyáti (-iy-) желать сына, māṅsīyáti желать мяса отъ существительныхъ adhvará-s религіозный обрядъ, священнодѣйствіе, putrá-s сынъ и māṅsá-m мясо [3]). Естественно думать, что отымённые глаголы на -ĭje существовали уже въ праязыкѣ, и что къ нимъ восходятъ литовскія формы на yti, а отчасти и славянскіе ижевые глаголы. Поэтому я, не отказываясь отъ даннаго выше объясненія, не прочь принять для нѣкоторыхъ ижевыхъ глаголовъ (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ) толкованіе Миклошича [4]), т. е. я не прочь выводить нпр. л ю́ б и т ь изъ *léubhīieti или *léubhĭjeti, допустивъ ослабленіе безударнаго *е* въ ь (срв. **бьрати** при **берѫ**) [5]), переходъ jь въ **и** (какъ въ **имѫ**=*jemō,

---

1) G. Meyer. Griechische Grammatik. S. 394, § 519.

2) W. D. Whitney. Indische Grammatik. Uebersetzt von H. Zimmer. S. 368, § 1061.

3) Whitney. S. 368, § 1059 c. O. Böthlingk und R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. Сюда по Бетлингъ-Роту и Витнею относится и tavišīyáti, производимое ими отъ прилагательнаго tavišá, къ чему можетъ быть побудили ихъ неизвѣстныя мнѣ историческія данныя.

4) Миклошичъ допускаетъ уподобленіе основного ije въ iji, затѣмъ переходъ въ ii и стяженіе въ ī. Vergleich. Lautlehre 2 Ausg. S. 133 u. 194. Ссылка на долготу настоящнаго *и* у Сербовъ и Чеховъ (ви̏дӣш, vidíš), какъ на слѣдъ стяженія, не особенно вѣска, ибо возможно заимствованіе у азо́выхъ глаголовъ (срв. серб. п л ѐ т е̄ ш); нижнелужицкое porožijo проще считать новотворкою по образцу plešo, bijo, чѣмъ возводить къ какому-то праславянскому п о р о д и ѥ т ь.

5) Такое ослабленіе, вѣроятно, составляетъ звуковой законъ, затемненный, правда, многочисленными подравненіями: настоящее къ б ь р а́ т и должно быть нѣкогда было б е́ р ь т ь

при **ıємлıєть**=*jémjeti) и наконец стяженіе **ии** или **ьи** в **и**; таким же образом и при пафлексійном удареніи могло развиться **и** (хоть бы звоните из *g'vonijeté или *g'vonĭjeté); да и напримѣтное удареніе, разумѣется, не мѣшало этому переходу: *g'vonijeti или *g'vonĭjeti также могло развиться в *звонйјьть, *звонь'јьть и в звонйть. Только при удареніи на *е* такой переход был невозможен: такова акцентовка глаголов пити, вопити—рус. пьёшь и т. д., вопіёшь и т. д. [1]); из коих, впрочем, вѣроятно первый, а может быть и второй представлял нѣкоторыя лица с пафлексійным удареніем (малорус. пъемó, пъeтé, чакав. pijemȍ, pijetȅ) [2]), которыя, развивши сначала *и*, впослѣдствіи могли примѣниться к пьјéшь, пьјéть.

Миклошич прилагает свое объясненіе не только к ижевым, но и к ижевоятевым глаголам. И на счет послѣдних можно, пожалуй (хотя тоже не без оговорки), согласиться с Миклошичем: вм. предположеннаго мною ослабле-

---

(санскр. bhárati, греч. φέρει), которое впослѣдствіи переняло насуффиксную акцентовку и темовой гласный *е* у таких глаголов, как пьнéть=основному *penéti (срв. санскр. tudáti); на акцентовку мог влiять и его собственный инфинитив. Срв. A. Leskien. Die Praesensbildungen des slavischen und ihr Verhältniss zum Infinitivstamm. Arch. f. Slav. Phil. V, 497 ff. Сербская акцентовка бȅрēш (срв. старо-чешск. béřeš), в которой я не прочь видѣть архаизм, по Лескину явилась в подражаніе азовоіотовым глаголам, как клȁти — кȍлēш.

[1]) Допустить, что удареніе на предыдущем слогѣ также предохраняло *е* от ослабленія, я считаю невозможным, почему и отвергаю Миклошичево „vъpíješi из первоначальнаго vъ'piješi“, построенное, очевидно, на основаніи сербскаго вȁпијēш рядом с вȁпијēш, и отдаю предпочтеніе русской акцентовкѣ вопіéшь: при взглядѣ Миклошича, звонйши, которое столь удобно выводится из *g'vonĭjesi, пришлось бы объяснять подражаніем звоните. Но самая слабая сторона Миклошичева объясненія это допущеніе перехода праязычной примѣты аја в ије, каковой переход мы рѣшительно не в правѣ предполагать.

[2]) A. Mažuranić. Slovnica hèrvatska. U Zagrebu 1869. Str. 76.

нія праязычнаго eje в ei (*ghorejeté в *ghoreité), можно предположить славянолитовское ослабленіе его в ĭjĭ, а потом стяженіе в ī.

Обратимся теперь к 1-му лицу ед. ч., к 3-му множ. и к настоящпому причастію наших глаголов. 1-ое лицо сослагательнаго наклоненія, перешедшее у Славян в изъявительное [1]), от основы ghoreje в древнѣйшую пору должно быть звучало *ghorejeām [2]), каковая форма спачала могла стянуться в *ghorejām, а позже (в то время, когда *ghorejemós превратилось в *ghoreimós) перейти в *ghorjām. Я таким образом возвожу окончаніе **ѭ** к праязычному jām. Что ж касается **ѣѭ**, то его **ѣ** могли позаимствовать у других лиц, т. е. поставить **желѣѭ** на мѣсто **желѭ** по образцу **желѣѥши**; может быть впрочем это случилось ранѣе, и уже праязычное *ghorjām возстановило, в угоду *ghoréjesi, свое *e*: вѣдь и латинское moneam предполагает основное *ghorejām. 3 лицо множ. ч. ***гореѩть**, ***твореѩть** по примѣру **плетѫть** и т. д. могло выпустить яко бы лишнюю „вставку" ej и превратиться таким образом в **гоѩть, твоѩть**; так же могло поступить

---

[1]) Это объясненіе, принадлежащее К. Бругману (Zur geschichte der personalendungen. Morphologische untersuchungen. I, 145. Срв. также замѣчаніе Остгофа Morph. unt. II 121—122 прим.) заслуживает предпочтенія перед тѣм, которое изложено в моей статьѣ О личных наставках (Грам. зам. I, 5=Р. Ф. В. V, 162), т. к. основное ōm, судя по таким примѣрам, как **камꙑ**=ἄκμων, **керꙑ**=φέρων, дало бы **ꙑ**, а послѣ j — **ѧ** (срв. причастія и винительные падежи в родѣ **колѧ, конѧ**).

[2]) Предположить для 1-го л. нафлексійное удареніе, даже при накоренном или насуффиксном удареніи других лиц, я считаю себѣ в правѣ на основаніи русских форм л ю б л ю, ц ѣ н ю и т. д., при л ю б и ш ь, ц ѣ н и ш ь (срв. Акцентологію, стр. 102, прим. 2). Эта особенность чуть ли ни зависит отъ того, что 1 л. первоначально принадлежало к сослагательному наклоненію, которое могло имѣть особенную акцентовку (хотя по-санскритски оно акцентуется сходно с изъявительным: изъяв. bhávati, сослагательное—bhávāti).

и причастіе *горея, *творея, превращаясь в горя, творя. Выставив такое объясненіе, я отказываюсь от своего прежняго взгляда на окончаніе ять, высказаннаго в статьѣ О личных наставках [1]); возможно однако, что *ghoréjenti наравнѣ с *ghoréjesi перешло, или впослѣдствіи было переиначено в *ghoréinti, из коего затѣм развилось *горинть, *горить. Что до *ghelḗjenti, то оно должно было перейти в *желѣять, которое, в подражаніе несять, берять и т. д. могло быть передѣлано в желѣять—также и греч. φιλέοντι, откуда φιλέουσι, φιλοῦσι, можно бы считать подражательной формою. Φιλέοντι, правда, нѣт никакой необходимости возводить к *φιλέεντι, и едвали не лучше строить праязычное *ghelḗjonti; но славянское ять и тогда не может быть самородным, так как *ghelḗjonti, по извѣстному закону суженія, должно было перейти в *gelḗjenti, *желеять [2]).

Страдательное причастіе прошедшаго времени у ижевых глаголов, нпр. хвалюнъ, не соотвѣтствует причастіямъ дѣланъ, оумѣнъ [3]), хотя, кажется ничто не мѣшало образовать хвалинъ; и преходящее, повидимому, могло бы быть хвалиахъ, соотвѣтственно дѣлаахъ, оумѣахъ, трьпѣахъ. Хвалюнъ и хваляахъ приходится производить от 1-го лица хвалю, по образцу несенъ и несѣахъ рядом с несѫ: утверждать вмѣстѣ с Миклошичем [4]), что первоначально было хвалиюнъ, хвалияахъ, равно как и хвалию, которыя перешли в хвальюнъ, хвальяахъ и хвалью, а потом в хвалюнъ, хваляахъ, хвалю, я не вижу основанія — вѣдь существовали же слова копию или копье, веселию или веселые и т. д., не переходя в коплю и веселю.

---

[1]) Грам. зам. I, 16=Р. Ф. В. V, 173.

[2]) Это, разумѣется, относится и к дѣять, пишять и т д., вообще ко всѣм іотовым настоящим. Osthoff. Morph. Unt. IV, 339.

[3]) У Миклошича также трьпѣнъ, вмѣсто котораго, может быть, нужно трьплюнъ.

[4]) Vergleich. Lautl. 194; Wortbild. 114 u. 116 = 145 и 146 русскаго перевода.

Когда мы извѣстную форму возводим к праязыку, всегда желательно найти такія словà, которыя могли служить ея проводниками от древнѣйших до новѣйших времен: в данном случаѣ такими словами можно считать славянскія **горить, боудить, морить** и **славить**, уже давно сопоставленныя с санскритскими ghāráyati, bodháyati, māráyati и çrāváyati [1]) и допускающія построеніе праязычных ghoréjeti, bheudhéjeti, moréjeti и çrōvéjeti; проходящее по всѣм лицам санскритскаго спряженія aya (ayā) мы, конечно, признаем плодом подравненья, каковое было произведено и Славянами, но в обратном направленіи.

Итак, я полагаю, что ятевые и ижевоятевые глаголы восходят к праязычным глаголам с примѣтами eje и ē, из коих первая под вліяніем ударенія развивалась двояко; к таким же глаголам, а отчасти и к основам на ĭje восходят и ижевые.

---

[1]) Çrāváyati провозглашать, возвѣщать (hören lassen, verkünden). Огласовка корня в глаголах **горить, морить** и ghāráyati, māráyati неодинакова: повторенное мною Бругмановское приравненіе санскритскаго ā в открытом слогѣ к славянскому **о** (Грам. зам., Поправки, т. I, стр. I = Р. Ф. В. VI, 327) опровергнуто Коллицем (Collitz. Ueber die annahme mehrerer grundsprachlicher a-laute. Bezzenberger. Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. B. II, S. 291).

О сильных и слабых формах.

Извѣстно, что славянскіе языки у мѣстоименій личных и у возвратнаго представляют для нѣкоторых падежей двоякую форму: одну болѣе полновѣсную, болѣе сложную, и другую болѣе легкую, простую. Вторая форма есть обыкновенная — прислоночная (энклитическая); а первая, ударяемая, употребляется тогда, когда на мѣстоименіе падает сила рѣчи, или когда оно занимает первое мѣсто в предложеніи, или, наконец, когда оно зависит от предлога [1]). Ударяемыя формы мы называем *сильными*, безударныя—*слабыми*.

Энклитическіе падежи общіе почти всѣм новославянским языкам слѣдующіе: 1) родительно-винительные mę, tę, sę, go, при сильных формах mene, tebe, sebe, jego — серб. *ме, те, се, га* и *мѐне, тѐбе, сѐбе, нѐга;* слов. me, te, se, ga и mêne, têbe, sêbe, njêga; болг. *мѫ, тѫ, сѫ, го* и *(на) мéне, (на) тéбе, (на) сéбе, (на) нéго;* малорус. *мя, тя, ся, го* и *мене́, тебе́, себе́, ему́—іому́;* чеш. mě,

[1]) Недопущеніе слабых форм в началѣ рѣчи напоминает санскритскій закон, по коему обыкновенно безударный звательный падеж в таком положеніи становится ударяемым: нпр. в Ригведѣ читается „úpatvāgnaé̄masi“ = úpa tvā, agnē, ā́ imasi (к тебѣ, Агни, приступаем), но „ágnē, yám yag'ñám paribhū́r ási (Агни, которую жертву ты окружаешь). Whitney. Ind. Gramm., S. 104, § 314. И самое славянское правило об употребленіи сильных и слабых мѣстоименій повторяется в санскритском. Whit., S. 180, § 491. — Несоединимость безударных мѣстоименій с также безударными (хотя и не без исключенія) предлогами—вполнѣ естественна.

tě, se, ho и mne, tebė, sebe, jeho; верхнелуж. će, ho и teb'e, jeho—joho; нижнелуж. mė, śė и mńo, teb'o; поль. mię, cię, się и mnie, ciebie, siebie; 2) дательные mi, ti, si, mu при mně, tebě, sebě, jemu—серб. *ми, ти, си, му* и *мѐни, тѐби, сѐби, нѐму;* слов. mi, ti, si, mu и mêni, têbi, sêbi, njêmu; болг. *ми, ти, си, му* и *(на) ме́не, (на) те́бе, (на) се́бе, (на) не́го;* малорусс. *ми, ти, си, му* и *мині́, тобі́, собі́, ему́—іому́;* чеш. mi, ti, si, mu и mně, tobě, sobě, jemu; верхнелуж. mi, ći, mu [1]) и mni, tebi, jemu—jomu; нижнелуж. mė, śi и mńe, tebė; поль. mi, ci, si, mu и mnie, tobie, sobie, jemu.

Двоякія формы для вин. и дат. мн. ч. являются только у Сербов и Болгар: серб. *не, ве* при *на̂с, ва̂с* и *ни, ви* или *нам, вам* при *на̏ма, ва̏ма* [2]); болг. *нъ, въ* или *ни, ви* при *нас, вас* и *ни, ви* при *нам, вам (на на́с, на ва́с).* У них же мы видим слабыя формы женскаго третьеличья: серб. род.-вин. *je* и дат. *joj,* при сильных не̂, ну̂ но̂j; болг. вин. *jъ,* дат. *и* при *не́йъ* и *ней.* У одних Сербов существуют множинный род. *их* и дат. *им,* при сильных формах ни̂х и ни̏ма [3]).

Очевидно, исключительно-сербскія безударки, да и бо́льшая часть сербо-болгарских, не представляют праславянскаго наслѣдья: только дательные *ни, ви* находят соотвѣтствіе в староцерковных безударках **ны, вы** и должны быть признаны праславянскими формами. Винительные *ни,*

---

[1]) Mu, также и ho, встрѣчается только в книгах. Miklosich. Vergleich. Wortbildungslehre, S. 483.

[2]) Безударныя на̂с, ва̂с не заслуживают названія особых форм.

[3]) Я не включил в этот перечень великорусских народных форм *тя, тѣ* и *ся, сѣ,* сокращенных, по мнѣнію Миклошича, из *тебя, тебѣ* и *себя, себѣ,* хотя я в этом сомнѣваюсь. Срв. перевод Миклошичевой Сравнительной морфологіи славянских языков, стр. 436, пр. 3. Верхнелуж. sej м. б. также образовалось из sy=**си** под вліяніем таких дательных, как mužej, popej. (Если оно даже произошло из sebi, то все же не без их участія).

ви (или, в переиначенном видѣ, *не, ве, нъ, въ* [1]), правда, тоже сходятся со староцерк. **ны, вы**; но послѣднія не энклитики, и нѣт основанія думать, чтобы они были таковыми у Праславян. Формы go и mu, хотя почти повсемѣстныя, в виду своего отсутствія в староцерковном яз. едвали могут считаться праславянскими. Что же касается винительных mę, tę, sę, то это — как и множинные винительные *ни, ви*— несомнѣнно праславянскія формы, но энклитичность их позднѣйшая: по-староцерковному онѣ употреблялись и под фразным удареніем, а соединеніе их с предлогами встрѣчается даже в новославянских языках [2]. Нѣсколько очевидных случаев употребленія ударяемаго **мѧ** я отмѣтил уже в Поправках и дополненіях к Староцерковному отдѣлу Сравнительной морфологіи Миклошича, стр. X (к стр. 60, стрк. 5), потому укажу здѣсь только примѣры на **тѧ** и на **сѧ** [3]: 1) **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта своѥго ꙗко и азъ тѧ помиловахъ** Матѳ. XVIII, 33; **ѥда коли и ти тѧ такожде възовѫть** Л. XIV, 12 [4], в сербском переводѣ — да̏ не би и о̀ни *тѐбе* кад по̏звали; 2) **ины ѥсть съпаслъ да съпасеть и сѧ** Л. XXIII, 35 — дру̏гима помо̀же, не̏ка по̀може̄ и се̑би; **възлюбиши искрьнѥѥго своѥго ꙗко самъ сѧ** Матѳ. XIX, 19; XXII, 39; Л. X, 27 — лу̑би бли̏жнēга сво̀јега као са́мога се̑бе. Пола-

---

[1]) См. в русском переводѣ Миклошичевой морфологіи, стр. 240, пр. 3 и 289, пр.

[2]) Таким образом слов. ná me, ná te, ná se (или na mé, na té, na sé) и т. п. не представляют отступленій от правила, а хранят память о полновѣсности **мѧ, тѧ, сѧ**.

[3]) Примѣры эти подобраны из евангелій Остромирова, Маріинскаго (Аѳонскаго), Зографскаго и Ассеманіева, при помощи Ягичева указателя к Маріинскому евангелію. Правописаніе нормализовано; разночтенія не имѣющія отношенія к нашему вопросу—нпр. **ближьнꙗго** в Остр. ев., **подроуга** в Зогр. (Лука X, 27), тогда как в Мар. и Асс. **искрьнѣаго** — оставлены без вниманія.

[4]) Второго мѣста вовсе нѣт в недѣльных евангеліях, а в Зогр. оно испорчено.

гаю, что в таких случаях нѣт никакого основанія говорить вмѣстѣ с Миклошичем [1]) об отступленіях от обыкновенных правил: естественно думать, что именно здѣсь является настоящая староцерковная и праславянская норма. Если же винительные замѣняются также род. **мене, тебе** и **себе**, то это такая же вторичная конструкція, как **вѣроуѭ въ бога** вм. **вѣроуѭ въ богъ**. Из старѣйших евангелій я могу указать слѣдующіе примѣры на замѣну вин. личных мѣстоименій род-м [2]): **аште мене изгънаша и вы иждενѫть** І. XV, 20 (Остр., Зогр., Мар.); **мене юдиного оставите** І. XVI, 32 (Остр., Зогр., Мар., Асс.), **да знаѭть тебе юдиного истиньнаюго бога** І. XVII, 3 (Остр., Зогр., Мар.) [3]). В Асс. І. XV, 20 читается **мѧ**, І. XVII, 3— **тѧ**. Чаще винительных **мене** и **тебе**, если не ошибаюсь, употребляется вин. **себе: оуба, разарѣи цръкъвь и трьми дьньми съзидаѩ, съпаси себе** Матѳ. XXVII, 40 (в Асс. **съпаси сѧ**) [4]); **аште приобраштеть вьсь миръ а себе погоубить** Л. IX, 25; **вы юсте оправьдаѭштеи себе прѣдъ чловѣкы** Л. XVI, 15 (в Асс. — **сѧ**); **сего обрѣтомъ.... гла-**

---

[1]) Vergleichende syntax der slavischen sprachen, s. 73.

[2]) Примѣры подобраны при помощи указателей к Остр. и Мар. ев.

[3]) Случаи употребленія **мене** и **тебе** в качествѣ винительных, отмѣченные Востоковым (в указ. к Остром. ев.), по большей части оказываются его недосмотрами и в дѣйствительности представляют родительные — в одних мѣстах есть отрицаніе: **не имате мене видѣти** Матѳ. XXIII, 39; **не обиждѫ тебе** Матѳ. XX, 13; в том же родѣ **мене прежде васъ възненавидѣ** І. XV, 18; другіе „винительные" (І. XIII, 33; VII, 20; XI, 8) зависят от глагола **искати**, управляющаго родительным; также **болѣхъ и посѣтисте мене** Матѳ. XXV, 36, рядом с **напоисте мѧ, въведосте мѧ**, слѣдует считать род (Mikl., Synt., 493), хотя в Асс. и здѣсь вин. **мѧ**. Возможно, что даже из приведенных у меня примѣров „**мене юдиного оставите**" представляет не вин., а *разлучный* род. (genetivus separationis) — Mikl., Synt., S. 451—455.

[4]) В Ев. от Матѳ. XXVII, 42 (Маріин. ев. 108, 22) „**ины съпасе, себе ли не можеть съпасти**" — **себе** есть род.

голѧшта себе христа цѣсарѩ быти Л. XXIII, 2; **вълюбиши искрьнѩего своѥго ꙗко самъ себе** Марк. XII, 31 (в Асс.—**самъ сѧ**) [1]). Замѣнѣ приглагольнаго винительника **сѧ** посредством **себе** благопріятствовала, как указал уже Миклошич [2]), особая причина: желаніе отличить активный глагол с настоящим объектом от глагола возвратнаго [3]).

Послѣ всего сказаннаго, из энклитических форм славянских мѣстоименій, кромѣ множинных дательных **ны, вы,** о коих рѣчь была на стр. 19, только **ми, ти, си** можно и должно признать давнишними разновидностями полновѣсных **мънѣ, тебѣ** и **себѣ**: греч. μοι, σοι, οἷ и санскрит. дат. (они же и род.) mē, tē дают нам даже право предполагать праязычныя прислонки moi, toi, soi [4]), или по крайней мѣрѣ moi, toi, по которым soi могли образовать вновь; о возникновеніи **ми, ти, си** из **мънѣ, тебѣ, себѣ,** конечно, нельзя и думать [5]). Когда впослѣдствіи, в новославянских языках, замѣна однинного винительнаго родительным стала обычным явленіем у одушевленных муж. рода, и потому **мене, тебе** и **себе** часто становились на мѣсто **мѧ, тѧ, сѧ,** употребленіе той или другой формы

---

[1]) Срв. выше, через стр., и у Микл., в Синт., стр. 73.

[2]) Vergl. synt., s. 75—76.

[3]) Полагаю, что такое желаніе являлось особенно тогда, когда мѣстоименіе не носило смыслового ударенія: соединеніе *съпасй сѧ́* достаточно отличалось от возвратнаго выраженія *съпасй сѧ*, но при безударности **сѧ** оно совпадало с ним.

[4]) Для примиренія слав. **и** с греч. οι (которому соотвѣтствовал бы **ѣ**) стоит только предположить в праязыкѣ столь обычное колебаніе между *о* и *е*, т. е. существованіе праязычных двойников moi и mei, toi и tei. Звук v, д. б., первоначально присутствовавшій в формѣ tvoi—tvei, мог быть устранен из нея еще в праязыкѣ по образцу им. tū, дат. tubhi (-bhi?) и особенно род. teve (санскр. táva). Срв. замѣчаніе Ягича, Arch. f. slav. Phil., VIII, 144.

[5]) **Ны** и **вы** вѣроятно также восходят к праязычным nōs, vōs=санскр. энклитикам nas, vas, которыя служат род., вин. и дат.

легко могли урегулировать по образцу древняго соотношенія между дательными **мънѣ, тебѣ, себѣ, намъ, вамъ** и **ми, ти, си, ны, вы**; а раз родительные **мене, тебе** и **себе** стали вмѣстѣ с тѣм сильною формою для винительнаго, то понятно, что и слабые винительные **ма, та, са** превратились в родительно-винительные [1]).

Энклитики go и mu можно объяснять фонетически из jegȍ, jemȕ, хотя я думаю, что данный образец 1-го и 2-го лица имѣл тут также немаловажное значеніе. Что, наконец, такія формы, как *их, им* при ни̑х, ни̏ма представляют позднѣйшій слой, и что онѣ своею двоякостью подражают довольно позднему соотношенію между *њѐга* и *га*, *њѐму* и *му* — это и сомнѣнію не подлежит.

Сербскій язык, наиболѣе богатый двоякими формами у мѣстоименій, развил ту же особенность еще и у двух глаголов, *бытъ* и *хотѣтъ*, которые представляют настоящее сильное и настоящее слабое:

	Сильныя формы.	Слабыя формы.
Ед. ч. 1 л.	jѐсам и хо̀ħу	сам и ħу
2 л.	jѐси и хо̏ħеш	си и ħеш
3 л.	jе̏ст, jе̏сте и хо̏ħе	je и ħе
Мн. ч. 1 л.	jѐсмо и хо̏ħемо	смо и ħемо
2 л.	jѐсте и хо̏ħете	сте и ħете
3 л.	jѐсу [2]) и хо̀ħе̄ (хо̀те̄)	су и ħе (те) [3]).

---

[1]) Не думаю однако, чтобы **ма, та, са** уже в староцерковном, а тѣм менѣе в праславянском, бывали родительными: единичное **не вѣдѣхъ та** в Клоцієвой рукописи (I, 84), толкуемое в таком смыслѣ Миклошичем (Synt. 73), может быть отступленіем от староцерковной нормы, а проще всего — грецизмом.

[2]) Так пишут Караджич (Wuk's Stephanowitsch Kleine serb. Gramm., S. 72), Даничич (Облици[6], стр. 115) и Будмани (Grammatica, p. 101), jèsū — напрасно внесенное в русскій перевод Миклошичевой морфологіи, стр. 336 — является только у Мажуранича (Slovnica[4], str. 77); у него также и sū. Сокращеніе вѣроятно произошло у энклитики и уже от нея усвоено ореотонкою.

[3]) *Хоте* и *те*, разумѣется, самородныя формы (по-староцерк. **хотать**), а хо̀ħе̄. ħе подражают остальным лицам.

Позволительно, конечно, думать, что вспомогательные глаголы, играющіе второстепенную, служебную роль в предложеніи, подверглись необычному у других слов сокращенію; но я предпочитаю иное объясненіе.

В основаніи двоякости настоящаго **ѥсмь**, судя по староцерковному языку, лежит 3-е л. мн. ч. **сѫть**: Сербы унаслѣдовали его в видѣ су̅, но по образцу других лиц стали также дополнять в jѐ-су̅ [1]); затѣм легко могли перенести эту двоякость на первыя и вторыя лица, произведши по примѣру архаическаго *су* новотворки *сам*, *си*, *смо* и *сте*, и разграничить притом употребленіе полных и кратких форм так же, как у мѣстоименій. Возможно впрочем, что слабыя формы исходят не от одного третьеличья **сѫть**, а что все множ. ч. перешло из праславянскаго в сербскій с безгласным корнем и только впослѣдствіи стало заимствовать jе у единств., которому оно в свою очередь привило вторичныя краткія формы—в таком случаѣ староцерк. **ѥсмъ**, **ѥсте**, а также **ѥсвѣ**, **ѥста**, **ѥста** тоже подправлены по образцу **ѥсмь**, **ѥси**, **ѥсть**. Еще удобнѣе и столь же возможно предположить, что Сербы в 1 и 2 л. множ. ч. унаслѣдовали колебаніе между **смъ** и **ѥсмъ**, **сте** и **ѥсте** [2]). О существованіи праславянских *смъ*,

---

[1]) Срв. предыд. стр., пр. 2.

[2]) Обезгла́шеніе корня es в нѣкоторых формах явленіе праязычное, как видно из желательнаго древнелат. s-iē-m, гот. s-ijau, старопрус. s-ei-ti (2 л. мн. ч., по значенію повелит.), санскр. s-yâ-m, древнебактр. q-yé-m, из причастія лат. s-ent- (prae-s-ens и т. д.), слав. **с-ы**, старопрус. s-ins (emprikisins присутствующій), санскр. s-ant-, древнебактр. h-añt- и из лат. s-umus = санскр. s-mas, древнебактр. (h)mahi, лат. s-unt, оскск. s-et, умбр. s-ent, слав. **с-ѫть**, гот. s-int = санскр. s-ánti, древнебактр. h-eñti. H. Osthoff. Griech. ἴσϑι, sei. Z. f. v. Spr. XXIII, 580. В Морфологических изслѣдованіях (Band IV, Vorwort VI—VIII) Остгофф нѣсколько измѣнил свой взгляд и предположил в таких формах праязычное колебаніе между безсложным и полным корнем. По моему, возстановленіе коренного гласнаго столь естественное явленіе, что многіе языки могли произвести его независимо друг от друга и в весь-

сте, свѣ, ста довольно ясно свидѣтельствуют языки словенскій, болгарскій, чешскій и оба лужицких, представляющіе (кромѣ одниннаго третьеличья) полное спряженіе настоящаго с безгласным корнем: sem, si; smo, ste; sva, sta и т. д.; притом это единственныя формы, соотвѣтствующія как сербской слабой, так и сильной, — таковы же и хорватскія san, si и т. д. [1]).

Особое положеніе среди слабых форм занимает 3 л. ед. ч.; но о нем нечего распространяться: вполнѣ понятно, что коротенькое *је* (подобное *нѐсе̄, лѐтӣ, ӥгра̄)* могли причислить к слабым формам, а болѣе полновѣсныя *је̏ст* и *је̏сте*—к сильным.

На давнишней двойственности, хотя и не праязычной, но праславянской, основано также спряженіе настоящаго *хдѣу:* глагол *хотѣть* издавна имѣл двоякую огласовку корня—чистую и глухую, вѣроятно, смотря по акцентовкѣ, так что говорили *хътѣти, хъц̓ж̓, хъта́ть,* но *хо́ц̓еши, хо́ц̓еть, хо́ц̓емъ, хо́ц̓ете, хо́ц̓евъ, хо́ц̓ета* [2]). Путем

ма раннее время. По крайней мѣрѣ для славянских форм **сѫть** и **сы** я желал бы настоять на основных s$\underset{\circ}{n}$ti и s$\underset{\circ}{n}$t- без разновидностей es$\underset{\circ}{n}$ti и es$\underset{\circ}{n}$t-: предпочтя вездѣ болѣе полныя формы, староцерковный язык поступил бы так же и здѣсь, будь онѣ только в его распоряженіи; непонятно мнѣ и то̀, как Греки, выбирая между повелительными es-dhí и s-dhí, могли бы облюбовать послѣднее, т. е. свое *σϑι (позднѣйшее ἴσϑι).

[1]) Срв. рус. перевод Сравн. морф. Миклошича, стр. 336, пр. 4.—О польских em, eś (или безсложно—m, ś), śmy и ście, как о формах энклитичных я не упомянул в текстѣ, хотя их сильныя разновидности jestem, jesteś, jesteśmy, jesteście (встарь также sąśmy, sąście)—образованныя к jest и к są по примѣру сложнаго прошедшаго był-em, był-eś, byli-śmy, byli-ście к był и byli — несомнѣнныя новотворки. Впрочем, в старопольском встрѣчается также jeśmy и jeście. Wł. Nehring. Psalterium florianense, p. 187—188. Память о болѣе полных формах хранится и в чешских отрицательных nejsem, nejsi и т. д., гдѣ j не только пишется, как в jsem, но и произносится.

[2]) На счет ц̓ см. мою статейку „Два слова о смягченіи *т* и *д*“ Грамм. зам. I, стр. 74=Р. Ф. В. VII, 268.

различнаго подравненія возникли с одной стороны **хотѣти, хоштѫ, хотать**, а с другой — **хъштеши, хъштеть** и т. д.; ясное отраженіе двоякости нашего корня замѣчается в самом сербском языкѣ, нпр. в инфинитивѣ *хтје̏ти* рядом с *хо̀тјети*. Ту же двойственность, как я полагаю, представляют формы *хо̀ћу*=**хоштѫ** и *ћу* = *хћу* = **хъштѫ**; *ћу, ћеш* и т. д., таким образом, равны сѣверозападным *хцѫ, хцеш, хце, хцем, хцете, хтѧ* или *хцѫ, хцевъ, хцета* (поль. chcę, chcesz, чеш. chci, chceš [1]), верхнелуж. chcu, chceš, нижнелуж. cu, coš и т. д.). Опять-таки нисколько не удивительно, что краткія формы у Сербов получили значеніе слабых, тогда как у сѣверозападных Славян, а также и у Хорватов [2]), это единственныя формы, и тогда как у Словенцев обѣ формы, hčem и hočem, равносильны [3]).

Если мое пониманіе слабых форм не ошибочно, то онѣ представляют любопытный примѣр, как единичный случай в языкѣ, при благопріятных условіях, может породить цѣлую систему.

---

[1]) Старочешскія chóceš, chóce и т. д. представляют слѣд давней двойственности: напрасно я (Начерт. слав. акцентологіи, стр. 155) говорил о возникновеніи из них chceš, chce путем выпаденія *о*.

[2]) Сравнит. морфол., стр. 327, пр. 3.

[3]) Буква h в этом глаголѣ только пишется, но не произносится. См. сравнит. морфол., стр. 221. Я теперь думаю, что необычный зачин *хч* могли упростить, а потом по примѣру čem явилось также и očem и т. д.; существованіе формы hči не должно служить возраженіем: она замѣнила еще болѣе неудобныя *kči, *tči, *dči (=**дъшти**) и могла притом возникнуть гораздо позднѣе.

Изъ редакціи Русск. Филол. Вѣстн. могутъ быть выписываемы слѣдующія сочиненія и изданія:

А. Смирнова: О Словѣ о полку Игоревѣ. а) Литература Слова до 1876 г. цѣна 1 руб. б) Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. 1879 г. цѣна 1 р. 25 к. Обѣ книги вмѣстѣ 2 р. Ученымъ Комитетомъ одобрены для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Нар. Пр.

Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи, пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. Варшава 1882 г. Цѣна 1 р.

Поминки по профессорѣ В. В. Макушевѣ. Варшава 1883. Ц. 30 к.

Славянскія нарѣчія, лекціи В. И. Григоровича. Варшава 1884. Цѣна 1 р. 50 к.

Орѳографическіе указатели и правила русскаго правописанія (Библіографическія замѣтки). Варшава 1885. Ц. 30 коп.

Русск. Филол. Вѣстн. 1880—1885 гг. (г-мъ Мин. Народн. Просв. вслѣдствіе постановленія Ученаго Комитета отъ 11 декабря 1882 г. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній. Ж. М. Н. Пр. 1883 г. февр. кн., а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для фунд. библіот. Дух. Семинарій, цѣна за 1880 г. 4 р., за 1881 и 1882 по 3 р., за 1883, 1884 и 1885 по 7 р. за годъ съ пересылкой.

Будиловича: „Начертаніе церк.-славянск. грам.“ одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. какъ учебное пособіе для гимназій и для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ. Цѣна два р. с., съ перес. 2 р. 30 к. Его же Учебникъ ц.-славян. грамматики для среднихъ учебн. заведеній (Уч. К-мъ М. Н. Пр. одобренъ какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій) цѣна 60 к., съ пересылкой 70 к.

Первобытные славяне въ ихъ языкѣ и бытѣ; вып. 1-ый 1 р. 50 к., 2-й в. 1 р., 3-й в. 1 р.

Макушева: Чтенія о старопольской письменности. Ц. 50 к.

М. Колосова: Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (3-й, 4-й и 5-й отчеты II Отдѣленію Академіи Наукъ). 1877. Цѣна 75 к.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. 1878. Цѣна 2 р. 50 к.

Русскій Филолог. Вѣстникъ за 1879 г. Цѣна 7 р.

Старо-славянская грамматика. Изд. 14-е. Варшава 1885. Ц. 75 к. Ученымъ Комит. М. Н. Пр. одобрена, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ при обученіи церковно-славянскому яз. (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. янв.).

Теорія поэзіи, 3-е изданіе, Уч. К-мъ М. Н. Пр. одобренное, какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Варшава 1884. Цѣна 60 коп.

